

Л. О. Чернейко

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
avollis@mail.ru*

Е. В. Феллер

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
ekaterina-feller@mail.ru*

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АБСТРАКТНОГО ИМЕНИ
ПУСТОТА В ИДИОСИСТЕМЕ Л. АНДРЕЕВА
(на материале рассказов)**

*Natura abhorret a vacuo.
(Аристотель)*

Актуальные исследования в области когнитивной лингвистики неизбежно обращены к реконструкции языковой картины мира (ЯКМ) социума или отдельной личности. ЯКМ воплощается в ее отдельных фрагментах и, прежде всего, в особых лексических единицах, которые имеют, по Н.Д. Арутюновой, «валентность на интерпретацию». Такими единицами являются «ключевые слова» культуры, семиотический статус которых обусловлен их принадлежностью к сфере идеального, умопостигаемого и которые грамматика определяет как абстрактные имена существительные (АИ). Поскольку имя абстрактного феномена является его единственным материальным воплощением, то представление о нем дает возможность по сочетаемости АИ реконструировать портрет стоящего за именем умопостигаемого феномена. Процесс осмысления культурой того или иного значимого для нее и/или для системы ценностей конкретной личности, проявляется в ее, личности, поведении, в первую очередь – речевом: в совокупности сказанного и написанного, т. е. в тексте. Индивидуальное видение мира личностью открывает в нем обусловленные личным опытом смыслы, которые воплощаются в нестандартных ассоциативных связях слов (никак не отражаемых толковыми словарями, ориентированными на обыденную «наивную» ЯКМ) и которые дают обширный и глубокий материал для авторской лексикографии. Уникальная в рамках идиостиля глагольно-адъективно-субстантивная сочетаемость АИ, а также сочетаемость с пространственными предлогами репрезентирует отличный от существующего в коллективном сознании облик сущности, стоящей за именем. Так как подобные феномены недоступны непосредственному восприятию, языковое сознание прибегает к их проекции на наглядную плоскость, заполненную перцептивными образами предметов эмпирического опыта (проективами), а также логическими образами предметов интеллектуального опыта [Чернейко 2019].

Значимость феномена пустоты для обыденного сознания в рамках повседневной коммуникации проявляется в таких сочетаниях его имени как,

например, *ощущение* пустоты, *блаженная* пустота, *черная* пустота, *спотыкаться* о пустоту, а также в наличии синонимов *небытие*, *ничто*, *отсутствие*, *вакуум*. В сознании среднестатистической языковой личности пустота обретает характеристики чувственных и логических феноменов при вербализации мыслей о ней через сочетаемость АИ *пустота*, как правило, с вторичными предикатами (ОП2 в концепции описательных предикатов), а из этих сочетаний вычленяются методом установления проективов штрихи к портрету самого феномена.

Особое осмысление этой сущности обнаруживается в художественной речи. В рассказах Л. Андреева феномен пустоты играет важную роль в передаче чувств и идей автора (31 контекст в семи проанализированных рассказах). Концептуальный анализ сочетаемости АИ *пустота* позволяет реконструировать портрет стоящего за именем феномена методом считывания с вторичных предикатов тех имплицитных метафор, которые выводятся из свободной сочетаемости глаголов и прилагательных, взятых в их буквальном значении.

Проведенный анализ АИ в текстах рассказов Л. Андреева показывает, что в идиолекте автора пустота, будучи феноменом высшей степени абстракции, выступает как персонализированная сущность (*пустота объемлет*), обладающая деструктивной силой (*пустота погасила солнце*), но выполняющая необходимую для мироустройства функцию дифференциации и, соответственно, интеграции разных сущностей (*пустота отъединяет*). В этом смысле понятие «пустота» оказывается семантическим аналогом абсолютной абстракции, именуемой местоимением *ничто*, стоящим на службе у небытия. Ключ к установлению подобного соотношения мы находим в философии экзистенциализма. Существование, наличие, бытие могут быть отмечены только на фоне отсутствия, отрицания, в конечном счете, небытия, о котором Ж.-П. Сартр пишет, что оно «еще и набрасывает контуры ответа: то, чем бытие *будет*, с необходимостью поднимается на основе того, что оно *не есть*» [Сартр 2000: 44].

Писателя – художника и философа – Л. Андреева пустота занимает своей глубинной метафизичностью. Феномен, стоящий за АИ *пустота*, предстает в его картине мира как сущность высшего порядка, способная совершать активные действия, что доказывает множество контекстов с субстантивом в позиции субъекта высказывания. Пустота мыслится им как субъект действия, состояния и отношения, что позволяет реконструировать ее портрет в идиолекте писателя на примере нескольких рассказов: пустота-‘свет’ (*проникает*: согласно НКРЯ, стандартным заместителем позиции агенса при глаголе *проникать* является имя *свет*, так как подобных сочетаний с глаголом в корпусе в пять раз больше, чем с существительным *вода*), ‘контейнер’ (*наполнилась*), ‘человек-друг’ (*объемлет*), ‘человек-недруг’ (применяет силу, покушаясь на имущество другого (*отъять / отнять, отъединяет*)), ‘человек-господствующий’ (*царит*), ‘человек – объект интереса’ (*кокетничает*), ‘вода’ (*гасит*), ‘простор’ (*необъятная*), ‘бессознательное’ (*II и тайна*), как необходимая для существования бытия «спутница» небытия.

Литература

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.

Чернейко Л.О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 158–170.